

Кинодраматург Геннадий Бокарев:

«НЕТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ НИЧЕГО БОЛЕЕ ЦЕННОГО, ЧЕМ ЧЕЛОВЕК»

Когда-то много лет назад вихрастый паренек в вельветке, закончив школу, пошел работать на ВИЗ в горячий цех. В семье погибшего фронтовика он был старшим из братьев — надо было зарабатывать на жизнь.

Тот паренек не стал сталеваром. Но люди, умеющие подчинять себе металл, придавать ему нужную форму, навсегда остались в его сердце, стали главными героями его творчества.

— В жизни, в искусстве меня всегда мучил вопрос, почему в любой сфере: в производственной, литературной, научной — есть честные люди и нечестные. Почему один человек может пойти на компромисс со своей совестью, а другой нет. Почему такие вечные понятия, как дружба, принципиальность, не всем доступны. Мужская дружба, в которую я очень верю, стала нередко сегодня походить на компанейство, когда люди собираются в стаю и выходят на охоту.

Я искал такую профессию, которая уже сама по себе делает человека морально стойким, выдержанным, сильным. Поэтому меня изначально и тянуло к сталеварам.

— И, наверное, поэтому вы стали одним из открывателей в нашей литературе, особенно в театре темы рабочего человека. Ведь ваша пьеса «Сталевары» обошла, пожалуй, все театры нашей страны.

— Сейчас у меня нет желания писать о рабочем человеке именно потому, что не вижу нового поворота этой темы. А писать на прежнем уровне уже нельзя. Хотя сама эта проблема стоит в искусстве довольно остро и никогда не будет исчерпана. Мы живем в такую эпоху, когда производство стало частью нашей жизни, оно всегда будет нас волновать. С другой стороны, во что выльется эта тема в дальнейшем в искусстве, я не могу сказать, так как форма ее жизни будет меняться в зависимости от ее признания. Хочется верить, что ее значение в искусстве со временем будет возрастать. А пока тема о рабочем человеке ходит вместе с другими, с войной, например, с любовью и т. д.

— Здесь надо оговориться. Мы ведем речь о производ-

ственной теме и о профессии сталевара. Но ведь профессий много...

— Да... Но в каждом деле важен прежде всего человек. Это он должен знать, как поступить в следующую минуту, какой сделать нравственный выбор между «да» и «нет».

Производство в любом случае только фон. Болты, гайки, трубы важны нам только потому, что их делают люди.

— Сегодня в школах практически все должны освоить профессию рабочего. Это связано с воспитанием у подрастающего поколения любви к труду.

— Я родился и рос до второго класса в деревне. С 5—6 лет мы уже выходили на работу в поля. И у нас тогда не было ощущения, что нас гонят силой, заставляют трудиться. Работать было так же естественно, как носить одежду. С современным благополучием ощущение необходимости такого труда ушло. Этот процесс тоже закономерен. Школа, конечно, должна приучать к труду, хотя сама учеба — это уже великий труд. Плохо, что мальчиков до 14 лет не берут на работу, например, во время каникул. А почему?

—...Я вслушиваясь в слова Геннадия Кузьмича, может быть, неожиданные, резкие, и несколько чувствую время военное — послевоенное, которое поставило таких четырнадцатилетних мальчишек к станку, заставило их быстро повзрослеть, воспитало целое поколение неуспокоенных, стремящихся, беспощадных к любой неправде людей. Поколение, названное таким сильным местоположением «Мы» в первой повести Геннадия Бокарева, опубликованной в журнале «Юность».

— До 22 лет я вообще не думал ни о какой литературной работе. Наверное, сыграло роль то, что до определенного возраста я очень много читал. Отец научил читать меня в три года, и к четвертому классу я уже прочитал всего Золя и Шолохова. А потом закончил радиотехникум, перешел из горячего цеха ВИЗа в лабораторию, ушел в армию. На первую же армейскую зарплату купил философский словарь, тогда начал заниматься английским языком. После армии написал большой роман. Но, перечитав его, сжег.

Вот таким я пришел в литературное объединение, которое вел прозаик Павел Маханихин. Потом был ВГИК и повесть «Мы».

Геннадий Кузьмич не рассказывал еще об одном интересном случае из своей жизни. Однажды, еще до армии, он пришел в консерваторию и, не зная музыкальной грамоты, без нот, зашел одну из самых популярных в то время народных песен. Да так ее пел, что во все двери комнаты стали заглядывать любопытные лица студентов, а маленькая старушка — одуванчик, пораженный природным даром юного исполнителя, тут же дала ему направление на четвертый курс музыкального училища им. Чайковского. Но судьба солиста рабочему паренку в вельветке не пришлось по вкусу.

В жизни любого человека ничего не бывает случайного. И эта, казалось бы, незначительная история уже в то время говорила о многом. Она и была, может быть, предвестником той тяги к другой жизни, тяги к искусству, творчеству, которую почувствовал будущий писатель в армии.

— А что вам дала профессия кинодраматурга?

— Умение строить сюжет. Кратко, сжато излагать свои мысли. На этой площадке — маленьком ринге приходится провести тот самый бой за читателя, зрителя, тогда как прозаик играет на футбольном поле.

— Замысел — наверное, самое интересное, что есть в творческом процессе. Это начало будущего произведения, это отражение вечно живой души любого человека, которая борется, ищет и в конце концов выливается в замысел.

— Нередко замысел появляется подсудно, от разных впечатлений, наблюдений. Так, например, от эстампа с изображением удаляющихся от нас детских фигурок родился замысел дипломного сценария. Был случай, когда от замысла до осуществления сценария прошло всего три дня, а иногда для этого нужно было два-три года.

— В искусстве, как и во всем, существует понятие моды, и замысел нередко бывает этому подчинен. Модной, мне кажется, сегодня стала, например, героиня последних фильмов, таких как «Оглянься», «Клетка для канареек», — беспомощная, беззащитная женщина, не нашедшая своего назначения в жизни. Конечно, так можно говорить в сравнении, например, с героиней Шепитко в фильме «Крылья».

— Что такое современность,

а отсюда мода? В современности всегда есть вечные понятия, о которых мы стремимся забыть, потому что жить с ними, их исповедовать сложно. Они накладывают на человека ряд ограничений. Гораздо проще кивать на ужасный век, ужасное время и не задумываться над тем, что ты сам лично сделал в жизни. У нас сегодня нередко бывает утрачено чувство личной ответственности. А между тем, известно, что поиск виноватого в любой ситуации надо начинать с себя. И наконец, что напрямую касается современных героинь — это то, что из нашего лексикона, причем не только из обихода, но из литературного языка практически ушло слово «благородство». А ведь оно как раз и соотносилось с таким понятием, как рыцарство.

Когда забываются такие вечные истины, появляется мода, противостоять которой нелегко.

Сегодня из прозаиков я верю только Виктору Астафьеву. Считаю его наиболее естественным писателем, никогда не поддающимся моде. Среди кинорежиссеров могу назвать только Глеба Панфилова. В киноискусстве он стоит особняком.

— Мысль о необходимости чувства личной ответственности каждого за свою судьбу очень ярко прозвучала в вашей последней работе — художественном фильме «Найти и обезвредить». В ней вы впервые обратились к жанру детектива.

— Здесь был двойной интерес. Мне нравилось придумывать детективный сюжет, но главное было в другом. К этому жанру я пришел от создания милосердия к таким «несчастливым» людям, в судьбе которых виноваты все, особенно их неблагоприятные семьи.

Работать в этом жанре мне понравилось. Следующую вещь хочу тоже написать в жанре детектива.

— Что бы в заключение вы хотели сказать нашим читателям?

— Нет в жизни ничего более ценного, чем человек. Единственно интересно — это общение с людьми.

Беседу вел
В. ЧИРКОВА.